

Леднева Татьяна Владимировна — аспирант юридического факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского

E-mail: na-mvd@yandex.ru

К вопросу о дефектах юридических цензов в современной России

Статья посвящена анализу **дефектов** юридических цензов. Характеризуя данное негативное явление, автор обращает внимание на его **причины** и **следствия**, поднимает проблему на общегосударственный уровень. В работе показаны наиболее типичные **дефекты содержания** и **практики** реализации юридических **цензов**.

This article analyzes the legal qualifications of **defects**. In describing this negative phenomenon, the author draws attention to its **cause** and **effect**, raises the issue at national level. The paper shows the most typical **defects content** and implementation **practices** of legal **qualifications**.

Современное российское законодательство широко оперирует понятием «ценз». Будучи одними из наиболее заметных и активно функционирующих феноменов, цензы оказывают весомое как позитивное, так и порой негативное воздействие на ход и результаты правового регулирования социальной действительности.

Дефекты формирования и реализации цензов оказывают серьезное влияние на сферу законодательства, толкования и применения юридических норм, порождая такие социально опасные явления, как дискриминация, бюрократизм, коррупция, организованная преступность, политический экстремизм.

Многие дефекты реализации цензов возникают как следствие неясности, а потому недоступности их смысла. «Глубокие дефекты и пороки положительного права — как в самом порядке его установления, так и в его содержании и применении составляют всегда наибольшее препятствие на пути к его духовному принятию»¹.

Согласно статье 6 Федерального конституционного закона от 26 февраля 1997 года № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» на должность Уполномоченного назначается лицо, «являющееся гражданином Российской Федерации, не моложе 35 лет, имеющее познания в области прав и свобод человека и гражданина, опыт их защиты»².

По мнению О.О. Миронова, «представляется целесообразным требованием закона к кандидату на должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации дополнить пунктом о наличии у него высшего юридического образования»³.

Однако, на наш взгляд, прежде чем вводить новые цензы, необходимо устранить изъяны действующих. Выше указаны четыре параметра: российское гражданство; возрастной ценз без ограничения его высшего предела; наличие знаний в об-

ласти прав и свобод человека и гражданина, а также опыта их защиты.

Между тем, если первые два критерия имеют объективный характер, то в отношении двух последних законодательно не определены ни степень знаний того или иного претендента, ни опыт правозащитной деятельности. Представляется, что такой подход к выбору кандидатов на одну из важных и ответственных государственных должностей Российской Федерации мало конструктивен.

К числу сохраняющих свое действие изъянов относятся противоречия цензов, произвольное расширение цензовых требований федерального законодательства. Особенно это болезненно проявляется в контексте обеспечения конституционной законности, укрепления вертикали федеративных отношений, обеспечения эффективности муниципальных образований.

Дефекты, образуемые в связи с противоречием содержания ценза конституционным положением, иллюстрирует, например, п. 2 ст. 64 ТК РФ, где устанавливается: «Какое бы то ни было *прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ при заключении трудового договора в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, возраста, места жительства* (в том числе наличия или отсутствия регистрации по месту жительства или пребывания), а также других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работников, *не допускается, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом*»⁴.

Иными словами, подобное ограничение допустимо даже несмотря на наличие конституционного запрета. Часть 2 ст. 19 Конституции РФ содержит следующий императив: «Государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка,

происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств. *Запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности».*

Как очевидно, в конституционной норме нет никаких оговорок о возможности ограничения прав и свобод по указанным основаниям.

Весьма ярко в негативном плане ныне проявляют себя неюридические (моральные) цензы. Так, в сфере трудовой занятости широкое неформальное распространение получил этнический ценз, когда при приеме на работу предпочтение отдается представителям определенной этнической общности.

В большинстве ситуаций подобного рода наличие этнических цензов завуалировано, проявляется в скрытой форме. Объяснение со стороны работодателя всегда несет в себе ссылку на непрофессионализм определенного претендента на рабочее место. И никогда не содержит указания на этнический аспект.

Значительную лепту в противоречивость действующих цензов вносит «цензотворчество» корпоративных объединений. Есть немало примеров, когда прием на работу служащего зависит от таких качеств, как практичность, находчивость, житейская опытность, коммуникабельность во всех ее проявлениях.

Но и при приеме на государственную службу все чаще учитываются неписанные (теневые) цензы (негласные правила) — требования, которые не установлены законом, но обоснованы логикой и динамикой конкретного направления служебной деятельности, стилем и личностными чертами руководителя организации.

Государство устанавливает цензы, связанные исключительно с характером работы (безопасность условий труда, экологичность и пр.), однако не регулирует выбор конкретного работника работодателем. Этим создаются предпосылки для использования внешне квалификационных претензий, которые в действительности заменяют этнические, половые, демографические, возрастные предпочтения.

Негативным фактором, оказывающим весомое влияние на дефектность формирования и реализации цензов, выступают цензовые стереотипы в общественном сознании. Весьма устойчивой и распространенной в бытовой сфере идеей стало «возвеличивание», популяризация профессиональных качеств определенной этнической группы, и, наоборот, принижение, аргументирование ущербности занятия той или иной этнической общностью конкретным видом деятельности. Нередко тему этнических, половых и иных «популярных» цензов подпитывает фольклор (анекдоты, байки, частушки).

В отдельных слоях общества постепенно складывается мнение, что чего-то достичь можно лишь несправедливым путем. Это создает весьма благоприятную психологическую почву для впитывания стан-

дартов и представлений, выработанных сообществом правонарушителей⁵.

Общество в лице «новых русских» и безденежных, материально необеспеченных граждан сознательно, а иногда интуитивно создает «новые» цензы как способы достижения «своей» справедливости. В этих условиях расширение сферы действия специфических культурных ценностей и принципов поведения неизбежно активизирует влияние на человека субкультуры преступной среды, порожденной в местах лишения свободы. Именно эти места наиболее активно формируют и питают ценностные ориентации преступников, создают и укрепляют особый пласт квазицензовых, антиправовых цензов.

Как дефект реализации следует признать отсутствие возможности обжалования цензовых условий. Завышение «планки» пороговых параметров либо их размытость и неопределенность становятся не только психологическим барьером, но и источником самых разнообразных коррупционных правонарушений.

Дефектом цензового регулирования является чрезмерность объема документального подтверждения необходимой квалификации. Количество требуемых документов, наличие многочисленных инстанций по их выдаче — одна из острых и давно обсуждаемых в обществе организационно-правовых проблем.

В цензах порой переплетаются как сугубо нормативные установки, так и субъективные (усмотрительные) требования к качеству той или иной деятельности, например, при рецензировании научно-творческой работы (статьи, монографии, театрального представления, кинопроизведения).

Юридическими следствиями законодательных цензов выступают, как правило, активные действия субъектов по достижению соответствия требуемым параметрам (обретение необходимой спортивной формы, достижение профессиональных, образовательных, финансовых показателей, исправление физиологических недостатков и т. п.).

С другой стороны, цензы порой вызывают антисоциальную активность — стремление любой ценой достичь желаемых показателей, преодолеть установленные барьеры. Отсюда многочисленные по объему и своеобразные по форме «обходы» цензовых установок, влекущие различные по степени опасности следствия, начиная, например, от угрозы здоровью отдельному субъекту («допинг-скандалы») до массовых проявлений мошенничества и должностных злоупотреблений (лжекредитонадежность, псевдоблезненность).

Источником дефектности цензов выступает слабость, неразвитость иных, кроме правовых, социальных механизмов регуляции. В ряде жизненных ситуаций обращение к юридическим средствам является следствием безысходности, невозможности решить возникшую проблему другими путями. Нередко социальные механизмы и регуляторы вообще не содержат каких-либо вариантов разре-

шения новационных для общества проблем (миграция трудовых ресурсов, эмансипация женщин, труд несовершеннолетних и пенсионеров, сексуальные меньшинства и многие др.).

Серьезный дефект заключается в неопределенности юридической силы цензов. В одном случае ценз становится на уровень руководящего императива, в другом остается лишь декларацией.

Порой ценз выступает непреодолимым психологическим и фактическим препятствием («отсутствие судимости близких родственников», «наследственные физиологические дефекты», «половая ориентация»). Отсюда низкий общественный интерес к их реализации, что становится источником различных форм злоупотребления цензами, использование существующих цензовых предписаний в антиправовых, антисоциальных целях.

Сохраняется практика игнорирования, медлительности и неполноты воплощения в российском законодательстве цензов, содержащихся в международных конвенциях (договорах, соглашениях), ратифицированных или подписанных Российской Федерацией. Отсутствие согласованности цензов международного права и российского за-

конодательства вызывает противоречия между миграционной и интеграционной сферами внешней политики государства на постсоветском и европейском пространстве, оказывает дестабилизирующее воздействие на сферу трудовой занятости, культурно-образовательных и иных форм межгосударственного обмена, объединения усилий в области координации правоохранительной деятельности.

Примечания

1. Ильин И.А. О сущности правосознания. — М., 1993. — С. 47.
2. СЗ РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О.О. Миронова в 2002 году // Российская газета. — 2003. — 15—18, 23—25, 30 июля, 5, 7 августа.
4. СЗ РФ. — 2002. — № 1. — Ч. I. — Ст. 3.
5. См.: Антонян Ю.М., Вережагин В.А., Калма-нов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. — 1996. — № 10. — С. 72—79.

В.В. Любенко

Любенко Владимир Владимирович — соискатель кафедры уголовного процесса Нижегородской академии МВД России

E-mail: anrc@rambler.ru

К вопросу об использовании судебного контроля в процедуре, предусмотренной главой 40¹ УПК РФ

В статье рассматриваются вопросы о **пределах вмешательства суда** в отношения сторон, которые заключают **досудебное соглашение о сотрудничестве**. В принципиальном плане дается отрицательный ответ на вопрос о правомерности обжалования в судебном порядке процессуальных решений следователя, руководителя следственного органа, прокурора об отказе заключить соглашение о сотрудничестве. Судебному контролю подлежат только односторонние решения органов предварительного расследования, прокурора о прекращении соглашения о сотрудничестве.

Согласно части 4 статьи 317¹ УПК РФ постановление следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве может быть обжаловано подозреваемым или обвиняемым, его защитником руководителю следственного органа.

В пункте 1.3 приказа Генеральной прокуратуры РФ от 15 марта 2010 года № 107 «Об организации

In the article there are discussed **the limits of the interference of the court** in the relationship between the sides, which make **a pre-trial agreement on collaboration**. In essence there is given a negative answer on the question of the appropriateness of the court appeal of the procedural decisions of the investigator, the head of the investigation department or the prosecutor to refuse making a pre-trial agreement on collaboration. The court can control only unilateral decisions of the institutions of primary investigation and the prosecutor on the cessation of the pre-trial agreement on collaboration.

работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемыми (обвиняемыми) досудебных соглашений о сотрудничестве по уголовным делам»¹ при поступлении жалобы на решение следователя об отказе в заключении досудебного соглашения о сотрудничестве или на решение руководителя следственного органа об отказе в согласовании ходатайства следователя, представ-